

ИРИНА ШУЛЕНИНА

Колокола

На ближней колокольне звонари
мелодии перебирают будто
за розовые ниточки зари
и приближают солнечное утро.

На храме золотые купола,
которые начистил свежий ветер,
сияют, словно крылья у орла,
когда, садясь, их складывает вместе.

Когда звенят вокруг колокола,
а мир их окружает тишиною,
то у меня, как будто два крыла
трепещут, вырастая, за спиною.

Медовая взятка

Плавит заря звёздный обруч небес,
словно огнём золотой наковальни.
Будит пчелу аромат сладких месс
этой сияющей исповедальни.

Роза в весеннем саду расцвела,
и не боясь ни шипов и ни терний,
в розовом кружеве тонет пчела
в сочном гуденье своих песнопений.

Запахи манят от красной лозы,
где расцветает мечтательный тальник.
Неодолим жизни вечный призыв
этой пахучей, медовой купальни!

Воловья арба

Природа переполнена любовью,
и дарит нам её в земных стихах.
Поёт Овидий про арбу воловью,
повозку погоняя в небесах.

Она выходит из глубин столетий,
когда растут у месяца рога,
и их мерцанье звёздное отметит
далёкие и млечные луга.

Волы, не торопясь, луга обходят.
Куда им торопиться в небесах?
Аробщик потерял свои поводья,
и звёзды почивают на волах.

Я ночью видела арбу воловью
и слышала далёкий скрип колёс.
А, может, зов, наполненный любовью
попутный ветер до меня донёс?

Разноцветная река

Бывает, кончатся слова,
и мир молчанием нарушен,
как смятая дождём трава,
и можно не найти отдушин...

Я вспоминаю блеск реки,
в которой – солнечная сила,
и по движению руки –
разводы розового ила.

Речная радуга течёт,
и волны катятся быстрее,
и каждая волна поёт,
что жемчуг в раковине зреет.

И капает роса с куста,
и солнце мир лучами греет.
Я знаю: мир дан неспроста,
чтоб становились мы добрее.

Скалистый исполин

Где берег опускается к реке,
как богатырь земной, воды напиться,
следы его теряются в песке
и над водою могут появиться.

Где шепчут камыши про острова,
и волны разбиваются на речи,
мне издали видна то голова,
то каменные, выгнутые плечи.

Стремится вдаль скалистый исполин,
ветров противоречием наполнен,
чтоб парусу, раскрытому вдали,
не одиноко было плыть по волнам.

Я по камням бегу ему вослед,
и волны брызжут серебристый жемчуг.
Как будто мы одни на всей земле,
и только парус движется навстречу.

ИРИНА ШУЛЕНИНА

Омела

Высокий дуб с шершавою корой
под дальнею горою вырос,
где солнце прячется порой,
и слышен соловьиный клирос.

Дуб молодой был силой налитой,
и молодая поросль зеленела,
когда покрылась первою листвою
из ниоткуда росшая омела.

Она не знала на земле корней,
вросла в никуда из ниоткуда,
и крепкий дуб едва дышал над ней,
уверенный, что это просто чудо!

Был счастлив, что она на нём растёт,
и благодарен золотой омеле:
казалось, с ней ему – весна весь год
и благодать, незнамая доселе.

Пока сиял на дубе светлый куст,
дарил он радость ледяному саду,
где теплились порой остатки чувств,
переживая зимнюю блокаду.

Но летом прерван был прекрасный сон:
дуб почернел и наземь повалился,
омела тут же перешла на клён —
история сначала повторилась.